
ИВАН
ТУРГЕНЕВ
Песнь торжествующей любви
АЗБУКА-КЛАССИКА

Песнь торжествующей любви

Иван Сергеевич Тургенев

Аннотация
Иван Сергеевич Тургенев. Песнь торжествующей любви
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV

Аннотация

«Около половины XVI столетия проживало в Ферраре (она процветала тогда под скипетром своих великолепных герцогов, покровителей искусств и поэзии) — проживало два молодых человека, по имени Фабий и Муций. Ровесники годами, близкие родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала их с раннего детства… одинаковость судьбы скрепила эту связь. Оба принадлежали к старинным фамилиям; оба были богаты, независимы и бессемейны; вкусы, наклонности были схожие у обоих. Муций занимался музыкой, Фабий — живописью. Вся Феррара гордилась ими, как лучшим украшением двора, общества и города…»

Иван Сергеевич Тургенев
Песнь торжествующей любви

Посвящается памяти Гюстава Флобера

«Wage Du zu irren und zu träumen!»

Schiller[1]

Вот что я вычитал в одной старинной итальянской рукописи:

[1] Примечания: 1

«Дерзай заблуждаться и мечтать!» — Шиллер *(нем.)*.

I

Около половины XVI столетия проживало в Ферраре (она процветала тогда под скипетром своих великолепных герцогов, покровителей искусств и поэзии) — проживало два молодых человека, по имени Фабий и Муций. Ровесники годами, близкие родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала их с раннего детства… одинаковость судьбы скрепила эту связь. Оба принадлежали к старинным фамилиям; оба были богаты, независимы и бессемейны; вкусы, наклонности были схожие у обоих. Муций занимался музыкой, Фабий — живописью. Вся Феррара гордилась ими, как лучшим украшением двора, общества и города. Наружностью они, однако, не походили друг на друга, хотя оба отличались стройной юношеской красотою: Фабий был выше ростом, был лицом и волосом рус, а глаза имел голубые; Муций, напротив, имел лицо смуглое, волосы черные, и в темно-карих его глазах не было того веселого блеска, на губах той приветливой улыбки, как у Фабия; его густые брови надвигались на узкие веки — тогда как

золотистые брови Фабия уходили тонкими полукругами на чистый и ровный лоб. Муций и в разговоре был менее жив; со всем тем оба друга одинаково нравились дамам — ибо недаром были образцами рыцарской угодливости и щедрости.

В одно и то же время с ними проживала в Ферраре девица по имени Валерия. Ее считали одной из первых красавиц города, хотя видеть ее можно было очень редко, так как она вела жизнь уединенную и выходила из дому только в церковь — да в большие праздники на гулянье. Она жила с своей матерью, благородной, но небогатой вдовою, у которой не было других детей. Всякому, кому только ни встречалась Валерия, она внушала чувство невольного удивления и столь же невольного, нежного уважения: так скромна была ее осанка, так мало, казалось, сознавала она сама всю силу своих прелестей. Иные, правда, находили ее несколько бледной; взгляд ее глаз, почти всегда опущенных, выражал некоторую застенчивость и даже боязливость; ее губы улыбались редко — и то слегка: голос ее едва ли кто слышал. Но ходила молва, что он был у нее прекрасен и что, запершись у себя в комнате, ранним утром, когда все в городе еще дремало, она любила напевать старинные песни, под звуки лютни,

на которой сама играла. Несмотря на бледность лица, Валерия цвела здоровьем; и даже старые люди, глядя на нее, не могли не подумать: «О, как счастлив будет тот юноша, для кого распустится наконец этот еще свернутый в лепестках своих, еще нетронутый и девственный цветок!»

II

Фабий и Муций увидали Валерию в первый раз на пышном народном празднике, устроенном по велению герцога Феррарского, Эркола, сына знаменитой Лукреции Борджиа, в честь знатных вельмож, прибывших из Парижа по приглашению герцогини, дочери французского короля Людовика XII. Рядом с своею матерью сидела Валерия посреди изящной трибуны, возведенной по рисунку Палладия на главной феррарской площади для почетнейших дам города. Оба — и Фабий и Муций — страстно в нее влюбились в тот же день; и так как они ничего не скрывали друг от друга — то каждый из них скоро узнал, что происходило в сердце товарища. Они положили между собою: постараться обоим сблизиться с Валерией — и если она удостоит избрать кого-нибудь из них — то другой безропотно покорится ее решению. Несколько недель спустя благодаря доброй славе, которой они пользовались по праву, им удалось проникнуть в труднодоступный дом вдовы; она позволила им посещать ее. С тех пор они почти каждый день могли видеть Валерию и беседовать

с нею — и с каждым днем огонь, зажженный в сердцах обоих юношей, разгорался сильнее и сильнее; однако Валерия ни одному из них не оказывала предпочтения, хотя присутствие их ей видимо нравилось. С Муцием она занималась музыкой; но разговаривала больше с Фабием: с ним она меньше робела. Наконец они решились узнать окончательно свою участь — и послали к Валерии письмо, в котором просили ее объясниться и сказать, кому она готова отдать свою руку. Валерия показала это письмо матери — и объявила ей, что готова остаться в девицах; но если мать находит, что ей пора вступить в брак, то она выйдет за того, на кого укажет ее выбор. Почтенная вдова пролила несколько слез при мысли о разлуке с любимым детищем; однако отказать женихам не было причины: она считала их обоих равно достойными руки ее дочери. Но, втайне предпочитая Фабия и подозревая, что и Валерии он приходится более по нраву, она указала на него. На другой же день Фабий узнал о своем счастье; а Муцию осталось сдержать свое слово — и покориться.

Он так и сделал; но быть свидетелем торжества своего друга, своего соперника — он не мог. Немедленно продал он большую часть своего

имущества и, собрав несколько тысяч дукатов, отправился в дальнее путешествие на Восток. Прощаясь с Фабием, он сказал ему, что вернется не прежде, чем почувствует, что последние следы страсти в нем исчезли. Тяжело было Фабию расстаться с другом детства и юности… но радостное ожидание близкого блаженства вскоре поглотило всякие другие ощущения — и он отдался весь восторгам увенчанной любви.

Вскоре он вступил в брак с Валерией — и только тогда узнал всю цену сокровища, которым ему довелось обладать. У него была прекрасная вилла, окруженная тенистым садом, в недальнем расстоянии от Феррары; он переехал туда вместе с женою и ее матерью. Светлое время наступило для них тогда. Супружеская жизнь выказала в новом пленительном свете все совершенства Валерии; Фабий становился замечательным живописцем — уже не простым любителем, а мастером. Мать Валерии радовалась и благодарила бога, глядя на счастливую чету. Четыре года промчались незаметно, как блаженный сон. Одного недоставало молодым супругам; одно завелось у них горе: детей у них не было… но надежда не покидала их. К концу четвертого года их посетило великое, на этот раз настоящее горе: мать

Валерии скончалась, поболев несколько дней.

Много слез пролила Валерия; долго не могла привыкнуть к своей утрате. Но прошел еще год, жизнь опять вступила в свои права, потекла прежним руслом. И вот в один прекрасный летний вечер, никого не предупредив, в Феррару вернулся Муций.

III

Во все пять лет, прошедших с его отъезда, никто о нем ничего не ведал; всякие слухи о нем замерли, точно он исчез с лица земли. Когда Фабий встретил своего друга на одной из улиц Феррары, он чуть не закричал, сперва от испуга, потом от радости — и тотчас пригласил его в свою виллу. Там у него в саду находился отдельный, поместительный павильон; он предложил своему другу поселиться в этом павильоне. Муций охотно согласился и в тот же день переехал туда вместе с своим слугою, немым малайцем — немым, но не глухим, и даже, судя по живости его взгляда, очень понятливым человеком... Язык у него был вырезан. Муций привез с собою десятки сундуков, наполненных разнообразными драгоценностями, собранными им во время своих продолжительных странствований. Валерия обрадовалась возвращению Муция; и он ее приветствовал дружески весело, но спокойно: по всему видно было, что он сдержал слово, данное Фабию. В течение дня он успел устроиться в своем павильоне; выложил, с помощью малайца,

привезенные редкости: ковры, шелковые ткани, бархатные и парчовые одежды, оружия, чаши, блюда и кубки, украшенные финифтью, золотые, серебряные вещи, обделанные в жемчуг и бирюзу, резные ящики из янтаря и слоновой кости, граненые бутыли, пряности, курева, звериные шкуры, перья неведомых птиц и множество других предметов, самое употребление которых казалось таинственным и непонятным. В числе всех этих драгоценностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муцием от персидского шаха за некоторую великую и тайную услугу; он попросил позволения у Валерии собственноручно возложить ей это ожерелье на шею; оно показалось ей тяжелым и одаренным какой-то странной теплотой… оно так и прильнуло к коже. К вечеру, после обеда, сидя на террасе виллы, в тени олеандров и лавров, Муций принялся рассказывать свои похождения. Он говорил о виденных им далеких странах, заоблачных горах, безводных пустынях, о реках, подобных морям; говорил о громадных зданиях и храмах, о тысячелетних деревьях, о радужных цветах и птицах; называл посещенные им города и народы… чем-то сказочным веяло от одних их имен. Весь Восток был знаком Муцию: он проехал Персию,

Аравию, где кони благороднее и красивее всех других живых существ, проник в самую глубь Индии, где род людской подобен величественным растениям, достиг границ Китая и Тибета, где живой бог, по имени Далай-Лама, обитает на земле во образе безмолвного человека с узкими глазами. Чудны были его рассказы! Как очарованные, слушали его и Фабий и Валерия. Собственно, черты Муциева лица мало изменились: с детства смуглое, оно еще потемнело, загорело под лучами более яркого солнца, глаза казались углубленнее прежнего — и только; но выражение этого лица стало другое: сосредоточенное, важное, оно не оживлялось даже тогда, когда он упоминал об опасностях, которым подвергался ночью, в лесах, оглашаемых воем тигров, или днем, на пустых дорогах, где путешественников караулят изуверы, которые удавливают их в честь железной богини, требующей человеческих жертв. И голос Муция стал глуше и ровнее; движения рук, всего тела утратили развязность, свойственную итальянскому племени. С помощью слуги своего, раболепно-проворного малайца, он показал хозяевам своим несколько фокусов, которым научили его индийские брамины. Так, например, он, предварительно скрыв себя занавесом, явился

вдруг сидящим на воздухе с поджатыми ногами, слегка опираясь концами пальцев на отвесно поставленную бамбуковую трость, что немало удивило Фабия, а Валерию даже испугало… «Уж не чернокнижник ли он?» — подумалось ей. Когда же он принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейте, из закрытой корзины ручных змей, когда, шевеля жалами, показались из-под пестрой ткани их темные плоские головки, Валерия пришла в ужас и попросила Муция спрятать поскорей этих ненавистных гадов. За ужином Муций попотчевал своих друзей ширазским вином из круглой бутыли с длинным горлышком; чрезвычайно пахучее и густое, золотистого цвета с зеленоватым отливом, оно загадочно блестело, налитое в крошечные яшмовые чашечки. Вкусом оно не походило на европейские вина; оно было очень сладко и пряно и, выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всех членах ощущение приятной дремоты. Муций заставил и Фабия и Валерию откушать по чашечке и выпил сам. Над ее чашечкой он, наклонясь, что-то прошептал, потряс пальцами. Валерия это заметила; но так как вообще в приемах Муция, во всей его повадке проявлялось нечто чуждое и небывалое, то она только подума-

ла: «Не принял ли он в Индии новой какой веры или у них там обычаи такие?» Потом, помолчав немного, она спросила его: продолжал ли он во время своего путешествия заниматься музыкой? В ответ ей Муций приказал малайцу принести свою индийскую скрипку. Она походила на нынешние, только вместо четырех струн у ней было три, верх ее обтягивала голубоватая змеиная кожа, и тонкий тростниковый смычок имел вид полукруглый, а на самом его конце блистал заостренный алмаз.

Муций сыграл сперва несколько заунывных, по его словам, народных песен, странных и даже диких для итальянского уха; звук металлических струн был жалобен и слаб. Но когда Муций начал последнюю песнь — этот самый звук внезапно окреп, затрепетал звонко и сильно; страстная мелодия полилась из-под широко проводимого смычка, полилась, красиво изгибаясь, как та змея, что покрывала своей кожей скрипичный верх; и таким огнем, такой торжествующей радостью сияла и горела эта мелодия, что и Фабию и Валерии стало жутко на сердце, и слезы выступили на глаза… а Муций, с наклоненной, прижатой к скрипке головою, с побледневшими щеками, с бровями, сдвинутыми в одну черту, казался еще

сосредоточенней и важней — и алмаз на конце смычка бросал на ходу лучистые искры, как бы тоже зажженный огнем той дивной песни. Когда же Муций кончил и, все еще крепко стискивая скрипку между подбородком и плечом, уронил руку, державшую смычок, «Что это такое? Что ты нам сыграл?» — воскликнул Фабий. Валерия не промолвила ни слова — но, казалось, все ее существо повторило вопрос ее мужа. Муций положил скрипку на стол — и, слегка встряхнув волосами, с вежливой улыбкой промолвил: «Это? Эту мелодию… эту песнь я услышал раз на острове Цейлоне. Эта песнь слывет там, между народом, песнью счастливой, удовлетворенной любви». — «Повтори», — прошептал было Фабий. «Нет; этого повторить нельзя, — ответил Муций, — теперь уже поздно. Синьоре Валерии следует отдохнуть; и мне пора… я устал». В течение целого дня Муций обращался с Валерией почтительно-просто, как давнишний друг; но уходя, он пожал ей руку крепко-накрепко, надавив пальцами ей на ладонь — и так настойчиво заглядывая ей в лицо, что она, хоть и не поднимала век, однако почувствовала этот взгляд на внезапно вспыхнувших своих щеках. Она ничего не сказала Муцию, но отдернула руку, а когда он удалился, посмотрела

на дверь, через которую он вышел. Она вспомнила, как и в прежние года она его побаивалась… и теперь нашло на нее недоумение. Муций ушел в свой павильон; супруги отправились в спальню.

IV

Валерия не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась, и в голове слегка звенело… от странного того вина, как она полагала, а может быть, от рассказов Муция, от игры его на скрипке… К утру она наконец заснула, и ей привиделся необычайный сон.

Ей почудилось, что вступает она в просторную комнату с низким сводом… Такой комнаты она в жизни не видывала. Все стены выложены мелкими голубыми изразцами с золотыми «травами»; тонкие резные столбы из алебастра подпирают мраморный свод; самый этот свод и столбы кажутся полупрозрачными… бледно-розовый свет отовсюду проникает в комнату, озаряя все предметы таинственно и однообразно; парчовые подушки лежат на узком ковре по самой середине гладкого, как зеркало, пола. По углам едва заметно дымятся высокие курильницы, представляющие чудовищных зверей; окон нет нигде; дверь, завешенная бархатным пологом, безмолвно чернеет во впадине стены. И вдруг этот полог тихонько скользит, отодвигается… и

входит Муций. Он кланяется, раскрывает объятия, смеется… Его жесткие руки обвивают стан Валерии; его сухие губы обожгли ее всю… Она падает навзничь, на подушки…

* * *

Стеня от ужаса, после долгих усилий, проснулась Валерия. Еще не понимая, где она и что с нею, она приподнимается на кровати, озирается… Дрожь пробегает по всему ее телу… Фабий лежит с нею рядом. Он спит; но лицо его, при свете круглой и яркой луны, глядящей в окна, бледно, как у мертвеца… оно печальнее мертвого лица. Валерия разбудила мужа — и как только он взглянул на нее, «Что с тобою?» — воскликнул он. «Я видела… я видела страшный сон», — прошептала она, все еще содрогаясь.

Но в это мгновенье со стороны павильона принеслись сильные звуки, и оба — и Фабий и Валерия — узнали мелодию, которую сыграл им Муций, называя ее песней удовлетворенной, торжествующей любви. Фабий с недоумением посмотрел на Валерию… она закрыла глаза, отвернулась — и оба, притаив дыхание, прослушали песнь до конца. Когда замер последний звук, луна зашла за облако, в комнате вдруг потемнело…

Оба супруга опустили головы на подушки, не обменявшись словом, — и ни один из них не заметил, когда заснул другой.

V

На другое утро Муций пришел к завтраку; он казался довольным — и весело приветствовал Валерию. С замешательством ответила она ему — взглянула на него мельком — и страшно ей стало от этого довольного, веселого лица, от этих пронзительных и любопытных глаз. Муций принялся было снова рассказывать… но Фабий перервал его на первом слове.

— Ты, видно, не мог заснуть на новом месте? Мы с женою слышали, как ты сыграл вчерашнюю песнь.

— Да? Вы слышали? — промолвил Муций. — Я ее сыграл точно, но я спал перед тем и даже видел удивительный сон.

Валерия насторожилась.

— Какой сон? — спросил Фабий.

— Я видел, — отвечал Муций, не спуская глаз с Валерии, — будто я вступаю в просторную комнату со сводом, убранную по-восточному. Резные столбы подпирали свод, стены были покрыты изразцами, и хотя не было ни окон, ни свечей, всю комнату наполнял розовый свет, точно она

вся была сложена из прозрачного камня. По углам дымились китайские курильницы, на полу лежали парчовые подушки вдоль узкого ковра. Я вошел через дверь, завешенную пологом, а из другой двери, прямо напротив — появилась женщина, которую я любил когда-то. И до того она мне показалась прекрасной, что я загорелся весь прежнею любовью…

Муций знаменательно умолк. Валерия сидела неподвижно и только медленно бледнела… и дыхание ее стало глубже.

— Тогда, — продолжал Муций, — я проснулся и сыграл ту песнь.

— Но кто была эта женщина? — проговорил Фабий.

— Кто она была? Жена одного индийца. Я встретился с нею в городе Дели… Ее уже теперь нет в живых. Она умерла.

— А муж? — спросил Фабий, сам не зная, зачем он это спрашивает.

— Муж тоже, говорят, умер. Я их обоих скоро потерял из виду.

— Странно! — заметил Фабий. — Моя жена тоже видела нынешней ночью необыкновенный сон, — Муций пристально взглянул на Валерию, — который она мне не рассказала, —

добавил Фабий.

Но тут Валерия встала и вышла из комнаты. Тотчас после завтрака Муций тоже ушел, объявив, что ему нужно быть в Ферраре по делам и что он раньше вечера не вернется.

VI

За несколько недель до возвращения Муция Фабий начал портрет своей жены, изобразив ее с атрибутами святой Цецилии. Он значительно подвинулся в своем искусстве; знаменитый Луини, ученик Леонардо да Винчи, приезжал к нему в Феррару — и, помогая ему собственными советами, передавал также наставления своего великого учителя. Портрет был почти совсем готов; оставалось докончить лицо несколькими штрихами — и Фабий мог бы по справедливости гордиться своим произведением. Отпустивши Муция в Феррару, он отправился в свою студию, где Валерия обыкновенно его ожидала; но он не нашел ее там; кликнул ее — она не отозвалась. Фабием овладело тайное беспокойство; он принялся ее отыскивать. В доме ее не было; Фабий побежал в сад — и там, в одной из отдаленнейших аллей, он увидел Валерию. С опущенной на грудь головою, со скрещенными на коленях руками, она сидела на скамье — а за ней, выделяясь из темной зелени кипариса, мраморный сатир, с искаженным злорадной усмешкой лицом, при-

кладывал к свирели свои заостренные губы. Валерия заметно обрадовалась появлению мужа — и на его тревожные вопросы ответила, что у ней немного болит голова; но что это ничего не значит — и что она готова пойти на сеанс. Фабий привел ее в студию, усадил, взялся за кисть; но, к великой своей досаде, никак не мог кончить лица так, как бы он того желал. И не потому, что оно было несколько бледно и казалось утомленным… нет; но того чистого, святого выражения, которое так ему в нем нравилось и которое навело его на мысль представить Валерию в образе святой Цецилии, — он сегодня не находил. Он наконец бросил кисть, сказал жене, что он не в ударе, что и ей не мешало бы прилечь, так как на вид она кажется не совсем здоровой, — и поставил мольберт с картиной лицом к стене. Валерия согласилась с ним, что ей следует отдохнуть, и, повторив свою жалобу на головную боль, удалилась к себе в спальню.

Фабий остался в студии. Он чувствовал странное, ему самому непонятное смущение. Пребывание Муция под его кровом, пребывание, на которое он, Фабий, сам напросился, стесняло его. И не то чтобы он ревновал… возможно ли было ревновать Валерию! — но в своем друге он

не узнавал прежнего товарища. Все то чуждое, неизвестное, новое, что Муций вынес с собою из тех далеких стран — и что, казалось, вошло ему в плоть и кровь, — все эти магические приемы, песни, странные напитки, этот немой малаец, самый даже пряный запах, которым отдавало от одежды Муция, от его волос, от его дыхания, — всё это внушало Фабию чувство, похожее на недоверчивость, пожалуй, даже на робость. И отчего этот малаец, служа за столом, с таким неприятным вниманием глядит на него, Фабия? Право, иной мог бы подумать, что он понимает по-итальянски. Муций говорил о нем, что, поплатившись языком, этот малаец принес великую жертву — и зато обладает теперь великою силой. Какою силою? и как он мог приобрести ее ценою языка? Все это очень странно! Очень непонятно! Фабий пошел к жене в спальню; она лежала на постели, одетая — но не спала. Услышав его шаги, она вздрогнула, потом опять обрадовалась ему так же, как и в саду. Фабий сел возле кровати, взял Валерию за руку и, помолчав немного, спросил ее: какой это необыкновенный сон напугал ее нынешней ночью? И был ли он вроде того сна, о котором рассказывал Муций? Валерия покраснела и поспешно промолвила: «О нет! нет!

я видела… какое-то чудовище, которое хотело растерзать меня». — «Чудовище? В образе человека?» — спросил Фабий. «Нет, зверя… зверя!» И Валерия отвернулась и скрыла в подушки свое пылавшее лицо. Фабий еще некоторое время подержал руку жены; молча поднес ее к губам своим — и удалился.

Невесело провели этот день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло над их головами… но что это было — они назвать не могли. Им хотелось быть вместе — словно опасность им грозила; а что сказать друг другу — они не знали. Фабий попытался было взяться за портрет, читать Ариоста, поэма которого, недавно перед тем появившаяся в Ферраре, уже гремела по Италии; но ничего не удавалось… Поздно вечером, к самому ужину, вернулся Муций.

VII

Он казался спокойным и довольным — но рассказывал мало; все больше расспрашивал Фабия о прежних общих знакомых, о немецком походе, об императоре Карле; говорил о своем желании съездить в Рим, посмотреть на нового папу. Он опять предложил Валерии ширазского вина — и, в ответ на ее отказ, промолвил, словно про себя: «Теперь уже не нужно». Вернувшись с женою в спальню, Фабий скоро заснул… и, проснувшись час спустя, мог убедиться, что никто не разделял его ложа: Валерии не было с ним. Он быстро приподнялся — и в то же мгновенье увидел жену, в ночном платье, входившую из сада в комнату. Луна светила ярко, хотя незадолго перед тем пробежал легкий дождик. С закрытыми глазами, с выражением тайного ужаса на неподвижном лице, Валерия приблизилась к постели и, ощупав ее протянутыми вперед руками, легла поспешно и молча. Фабий обратился к ней с вопросом — но она ничего не ответила; казалось, она спала. Он коснулся ее и почувствовал на ее одежде, на ее волосах дождевые капли, а на подошвах

ее обнаженных ног — песчинки. Тогда он вскочил и побежал в сад через полуоткрытую дверь. Лунный, до жесткости яркий свет обливал все предметы. Фабий оглянулся — и увидел на песку дорожки следы двойной пары ног — одна пара была босая; и вели эти следы к беседке из жасминов, находившейся в стороне между павильоном и домом. Он остановился в недоумении — и вот внезапно снова раздаются звуки той песни, которую он уже слышал в прошлую ночь! Фабий вздрагивает, вбегает в павильон… Муций стоит посреди комнаты и играет на скрипке. Фабий бросается к нему.

— Ты был в саду, ты выходил, твое платье мокро от дождя?

— Нет… не знаю… кажется… не выходил… — с расстановкой отвечает Муций, словно удивленный приходом Фабия и его волнением.

Фабий схватывает его за руку.

— И почему ты опять играешь эту мелодию? Разве ты опять видел сон?

Муций взглядывает на Фабия с тем же удивлением — и молчит.

— Отвечай же!

Месяц стал, как круглый щит —

Как змея, река блестит…
Друг проснулся, недруг спит —
Ястреб курочку когтит!..
Помогай! —

бормочет Муций нараспев, как бы в забытьи.

Фабий отступил шага на два, уставился на Муция, подумал… и вернулся в дом, в спальню.

Склонив голову на плечо и бессильно раскинув руки, Валерия спала тяжелым сном. Он не скоро ее добудился… но как только она увидала его, она бросилась к нему на шею, обняла его судорожно; все тело ее трепетало.

— Что с тобой, моя дорогая, что с тобою? — повторял Фабий, стараясь ее успокоить. Но она продолжала замирать на его груди.

— Ах, какие страшные сны я вижу, — шептала она, прижимаясь к нему лицом. Фабий хотел было ее расспросить… но она только содрогалась…

Ранним отблеском утра заалелись стекла окон, когда она наконец задремала в его объятиях.

VIII

На другой день Муций исчез с утра, а Валерия объявила мужу, что намерена съездить в соседний монастырь, где проживал ее духовный отец, старый и степенный монах, к которому она питала безграничное доверие. На расспросы Фабия она ответила, что желает облегчить исповедью свою душу, обремененную необычайными впечатлениями последних дней. Глядя на осунувшееся лицо Валерии, слушая ее угасший голос, Фабий и сам одобрил ее намерение: почтенный отец Лоренцо мог преподать ей полезный совет, рассеять ее сомнения… Под охраной четырех провожатых Валерия отправилась в монастырь, — а Фабий остался дома и, до возвращения жены, пробродил по саду, стараясь понять, что происходило с нею, — и чувствуя постоянный страх, и гнев, и боль неопределенных подозрений… Он не раз заходил в павильон; но Муций не возвращался — а малаец глядел на Фабия, как истукан, подобострастно наклонив голову, с далеко — так, по крайней мере, показалось Фабию — далеко затаенной усмешкой на бронзовом лице. Между

тем Валерия на исповеди все рассказала своему духовнику, не столько стыдясь, сколько ужасаясь. Духовник выслушал ее внимательно, благословил ее, отпустил ей ее невольный грех — а сам про себя подумал: «Колдовство, чары бесовские… это так оставить нельзя»… и вместе с Валерией отправился в ее виллу, как бы для того, чтобы окончательно ее успокоить и утешить. При виде духовника Фабий несколько перетревожился; но многоопытный старец заранее обдумал, как поступить ему следовало. Оставшись наедине с Фабием, он, конечно, не выдал тайны исповеди, однако посоветовал ему удалить, буде возможно, из дому приглашенного им гостя, который своими рассказами, песнями, всем поведением своим расстраивал воображение Валерии. Притом, по мнению старика, Муций и прежде, помнится, не совсем был тверд в вере, а, побывав такое долгое время в странах, не озаренных светом христианства, мог вынести оттуда заразу ложных учений, мог даже спознаться с тайнами магии; а потому хотя старинная дружба и предъявляла свои права, однако благоразумная осторожность указывала на необходимость разлуки! Фабий вполне согласился с почтенным монахом, Валерия даже просветлела вся, когда муж сообщил ей совет ее

духовника, — и, напутствуемый благими пожеланиями обоих супругов, снабженный богатыми подарками для монастыря и для бедных, отец Лоренцо отправился домой.

Фабий намеревался тотчас после ужина объясниться с Муцием; но странный его гость не возвратился к ужину. Тогда Фабий решил отсрочить разговор с Муцием до следующего дня — и оба супруга удалились в свою опочивальню.

IX

Валерия скоро заснула; но Фабий заснуть не мог. В ночной тишине ему живее представлялось все виденное, все прочувствованное им; он еще настойчивее задавал себе вопросы, на которые по-прежнему не находил ответа. Точно ли Муций стал чернокнижником — и уж не отравил ли он Валерию? Она больна… но какою болезнью? Пока он, положив голову на руку и сдерживая горячее дыхание, предавался тяжелому раздумью — луна опять взошла на безоблачное небо; и вместе с ее лучами, сквозь полупрозрачные стекла окон, со стороны павильона — или это почудилось Фабию? — стало вливаться дуновение, подобное легкой, пахучей струе… вот слышится назойливое, страстное шептание… и в тот же миг он заметил, что Валерия начинает слабо шевелиться. Он встрепенулся, смотрит: она приподнимается, опускает сперва одну ногу, потом другую с постели — и, как лунатик, безжизненно устремив прямо перед собою потускневшие глаза, протянув вперед руки, направляется к двери сада! Фабий мгновенно выскочил в другую дверь

спальни — и, проворно обежав угол дома, припер ту, что вела в сад… Едва он успел ухватиться за замок, как уже почувствовал, что кто-то силится отворить дверь изнутри, налегает на нее… еще и еще… потом раздались трепетные стенанья…

«Но ведь Муций не вернулся из города», — мелькнуло в голове Фабия — и он бросился к павильону…

Что же он видит?

Навстречу ему, по дороге, ярко залитой блеском месячных лучей, идет, тоже как лунатик, тоже протянув руки вперед и безжизненно раскрыв глаза, — идет Муций… Фабий подбегает к нему — но тот, не замечая его, идет, мерно выступая шаг за шагом — и недвижное лицо его смеется при свете луны, как у малайца. Фабий хочет кликнуть его по имени… но в это мгновение он слышит: сзади его, в доме, стукнуло окно… Он оглядывается…

Действительно: окно спальни распахнулось сверху донизу — и, занеся ногу через порог, стоит в окне Валерия… руки ее как будто ищут Муция… она вся тянется к нему.

Несказанное бешенство залило грудь Фабия внезапно нахлынувшей волной. «Проклятый колдун!» — возопил он неистово — и, схватив

Муция одной рукою за горло, он нащупал другою кинжал в его поясе — и по самую рукоятку воткнул лезвие ему в бок.

Пронзительно закричал Муций и, притиснув ладонью рану, побежал, спотыкаясь, назад в павильон… Но в самый тот миг, когда его ударил Фабий, так же пронзительно закричала Валерия и, как подкошенная, упала на землю.

Фабий бросился к ней, поднял ее, понес на кровать, заговорил с нею…

Она долго лежала неподвижно; но открыла наконец глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, как человек, только что спасенный от неминучей смерти, — увидала мужа — и, обвив его шею руками, прижалась к его груди. «Ты, ты, это ты», — лепетала она. Понемногу руки ее разжались, голова откинулась назад, и, прошептав с блаженной улыбкой: «Слава богу, все кончено… Но как я устала!» — она заснула крепким, но не тяжелым сном.

X

Фабий опустился возле ее ложа — и, не спуская глаз с ее бледного и похудевшего, но уже успокоенного лица, начал размышлять о том, что произошло… а также о том, как поступить ему теперь? Что предпринять? Если он убил Муция, — а вспомнив о том, как глубоко вошло лезвие кинжала, он в этом сомневаться не мог, — если он убил Муция — то нельзя же это скрыть! Следовало довести это до сведения герцога, судей… но как объяснить, как рассказать такое непонятное дело? Он, Фабий, убил, у себя в доме, своего родственника, своего лучшего друга! Станут спрашивать: за что? по какому поводу?.. Но если Муций не убит? Фабий не в силах был оставаться долее в неведении — и, удостоверившись, что Валерия спит, он осторожно встал с кресла, вышел из дому — и направился к павильону. Все в нем было тихо; только в одном окне виднелся свет. С замиравшим сердцем раскрыл он наружную дверь (на ней остался след окровавленных пальцев, и по песку дороги чернели капли крови) — перешел первую темную ком-

нату… и остановился на пороге, пораженный изумлением.

Посередине комнаты, на персидском ковре, с парчовой подушкой под головою, покрытый широкой красной шалью с черными разводами, лежал, прямо вытянув все члены, Муций. Лицо его, желтое, как воск, с закрытыми глазами, с посинелыми веками было обращено к потолку, не было заметно дыхания: он казался мертвецом. У ног его, тоже закутанный в красную шаль, стоял на коленях малаец. Он держал в левой руке ветку неведомого растения, похожего на папоротник, — и, наклонившись слегка наперед, неотвратно глядел на своего господина. Небольшой факел, воткнутый в пол, горел зеленоватым огнем и один освещал комнату. Пламя не колебалось и не дымилось. Малаец не пошевельнулся при входе Фабия, только вскинул на него глазами — и опять устремил их на Муция. От времени до времени он приподнимал и опускал ветку, потрясал ею в воздухе — и немые его губы медленно раскрывались и двигались, как бы произнося беззвучные слова. Между малайцем и Муцием лежал на полу кинжал, которым Фабий поразил своего друга; малаец раз ударил той веткой по окровавленному лезвию. Прошла минута… дру-

гая. Фабий приблизился к малайцу и, нагнувшись к нему, промолвил вполголоса: «Умер?» Малаец наклонил голову сверху вниз и, высвободив из-под шали свою правую руку, указал повелительно на дверь. Фабий хотел было повторить свой вопрос, но повелевающая рука возобновила свое движение — и Фабий вышел вон, негодуя и дивясь, но повинуясь.

Он нашел Валерию спавшею по-прежнему, с еще более успокоенным лицом. Он не разделся, присел под окном, подперся рукою — и снова погрузился в думу. Поднявшееся солнце застало его на том же самом месте. Валерия не просыпалась.

XI

Фабий хотел дождаться ее пробуждения и уехать в Феррару — как вдруг кто-то легонько постучался в дверь спальни. Фабий вышел и увидел перед собою своего старого дворецкого Антонио.

— Синьор, — начал старик, — малаец нам сейчас объявил, что синьор Муций занемог и желает перебраться со всеми своими пожитками в город; а потому просит вас, чтобы вы дали ему в помощь людей для укладки вещей, а к обеду прислали бы вьючных и верховых лошадей да несколько провожатых. Вы позволяете?

— Малаец тебе объявил это? — спросил Фабий. — Каким образом? Ведь он немой.

— Вот, синьор, бумага, на которой он это все написал на нашем языке — очень правильно.

— И Муций, ты говоришь, болен?

— Да, очень болен — и видеть его нельзя.

— За врачом не посылали?

— Нет. Малаец не позволил.

— И это написал тебе малаец?

— Да, он.

Фабий помолчал.

— Ну, что ж — распорядись, — промолвил он наконец.

Антонио удалился.

Фабий с недоуменьем посмотрел вслед своему слуге. «Стало быть, не убит?» — подумалось ему… и он не знал, радоваться ли — или сожалеть. — Болен? Но несколько часов тому назад — ведь мертвеца же он видел!

Фабий вернулся к Валерии. Она проснулась и приподняла голову. Супруги обменялись долгим, значительным взглядом. «Его уже нет?» — промолвила вдруг Валерия. Фабий вздрогнул. «Как… нет? Ты разве…» — «Он уехал?» — продолжала она. Фабию отлегло от сердца. «Нет еще; но он уезжает сегодня». — «И я его больше никогда, никогда не увижу?» — «Никогда». — «И те сны не повторятся?» — «Нет». Валерия опять радостно вздохнула; блаженная улыбка появилась опять на ее губах. Она протянула обе руки мужу. «И мы не будем никогда говорить о нем, никогда, слышишь, мой милый? И я из комнаты не выйду — пока он не уедет. А ты теперь пришли мне моих служанок… да постой: возьми ты эту вещь! — она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночном столике, ожерелье, данное ей Муцием, — и брось его тотчас в самый наш глубокий

колодезь. Обними меня — я твоя Валерия — и не приходи ко мне, пока… тот не уедет». Фабий взял ожерелье — жемчужины показались ему потускневшими — и исполнил приказание своей жены. Потом он стал скитаться по саду, издали поглядывая на павильон, около которого уже началась возня укладки. Люди выносили сундуки, вьючили лошадей… но малайца не было между ними. Неотразимое чувство влекло Фабия посмотреть еще раз на то, что происходило в павильоне. Он вспомнил, что на заднем его фасе находилась потаенная дверь, через которую можно было проникнуть во внутренность комнаты, где утром лежал Муций. Он подкрался к той двери, нашел ее незапертою и, раздвинув полости тяжелого занавеса, бросил нерешительный взгляд.

XII

Муций уже не лежал на ковре. Одетый в дорожное платье, он сидел в кресле, но казался трупом, так же как в первое посещение Фабия. Окаменелая голова завалилась на спинку кресла, и протянутые, плашмя положенные, руки недвижно желтели на коленях. Грудь не поднималась. Около кресла, на полу, усеянном засохшими травами, стояло несколько плоских чашек с темной жидкостью, издававшей сильный, почти удушливый запах, запах мускуса. Вокруг каждой чашки свернулась, изредка сверкая золотыми глазками, небольшая змейка медного цвета; а прямо перед Муцием, в двух шагах от него, возвышалась длинная фигура малайца, облеченного в парчовую пеструю хламиду, подпоясанную хвостом тигра, с высокой шляпой в виде рогатой тиары на голове. Но он не был неподвижен; он то благоговейно кланялся и словно молился, то опять выпрямлялся во весь рост, становился даже на цыпочки; то мерно и широко разводил руками, то настойчиво двигал ими в направлении Муция и, казалось, грозил или повелевал,

хмурил брови и топал ногою. Все эти движения, видимо, стоили ему большого труда, причиняли даже страдания: он дышал тяжело, пот лил с его лица. Вдруг он замер на месте и, набрав в грудь воздуха, наморщивши лоб, напряг и потянул к себе свои сжатые руки, точно он вожжи в них держал… и, к неописанному ужасу Фабия, голова Муция медленно отделилась от спинки кресла и потянулась вслед за руками малайца… Малаец отпустил их — и Муциева голова опять тяжело откинулась назад; малаец повторил свои движения — и послушная голова повторила их за ними. Темная жидкость в чашках закипела; самые чашки зазвенели тонким звоном, и медные змейки волнообразно зашевелились вокруг каждой из них. Тогда малаец ступил шаг вперед и, высоко подняв брови и расширив до огромности глаза, качнул головою на Муция… и веки мертвеца затрепетали, неровно расклеились, и из-под них показались тусклые, как свинец, зеницы. Гордым торжеством и радостью, радостью почти злобной, просияло лицо малайца; он широко раскрыл свои губы, и из самой глубины его гортани с усилием вырвался протяжный вой… Губы Муция раскрылись тоже, и слабый стон задрожал на них в ответ тому нечеловеческому звуку…

Но тут Фабий не выдержал более: ему представилось, что он присутствует на каких-то бесовских заклинаниях! Он тоже закричал и бросился бежать без оглядки домой, скорей домой, творя молитвы и крестясь.

XIII

Часа три спустя Антонио явился к нему с докладом, что все готово, все вещи уложены, и синьор Муций собирается в отъезд. Ни слова не ответив своему слуге, Фабий вышел на террасу, откуда был виден павильон. Несколько вьючных лошадей скучилось перед ним; к самому крыльцу был подведен могучий вороной жеребец с широким седлом, приспособленным для двух седоков. Тут же стояли слуги с обнаженными головами, вооруженные провожатаи. Дверь павильона растворилась, и, поддерживаемый малайцем, снова надевшим обычное платье, появился Муций. Лицо его было мертвенно и руки висели, как у мертвеца, — но он переступал… да! переступал ногами и, посаженный на коня, держался прямо и ощупью нашел поводья. Малаец вдел ему ноги в стремена, вскочил сзади его на седло, охватил рукой его стан — и весь поезд двинулся. Лошади шли шагом, и когда они заворачивали перед домом, Фабию почудилось, что на темном лице Муция мелькнуло два белых пятнышка… Неужели это он к нему обратил свои зрачки?

Один малаец ему поклонился… насмешливо, по обыкновению.

Видела ли это все Валерия? Жалузи ее окон были закрыты… но, может быть, она стояла позади их.

XIV

К обеду она пришла в столовую и очень была тиха и ласкова; однако все еще жаловалась на усталость. Но ни тревоги уже не было в ней, ни прежнего постоянного изумления и тайного страха; и когда, на другой день после отъезда Муция, Фабий снова принялся за ее портрет, он нашел в ее чертах то чистое выражение, мгновенное затмение которого так смутило его… и кисть побежала по полотну легко и верно.

Супруги зажили прежней жизнью. Муций для них исчез, как будто его никогда не существовало. И Фабий и Валерия, оба точно условились не упоминать о нем ни единым звуком, не осведомляться об его дальнейшей судьбе: она, впрочем, и для всех осталась тайной. Муций действительно исчез, точно провалился сквозь землю. Фабию однажды показалось, что он обязан рассказать Валерии, что именно произошло в ту роковую ночь… но она, вероятно, угадала его намерение и притаила дыхание, глаза ее прищурились, точно она ожидала удара… И Фабий ее понял: он не нанес ей этого удара.

В один прекрасный осенний день Фабий оканчивал изображение святой Цецилии; Валерия сидела перед органом, и пальцы ее бродили по клавишам… Внезапно, помимо ее воли, под ее руками зазвучала та песнь торжествующей любви, которую некогда играл Муций, — и в тот же миг, в первый раз после ее брака, она почувствовала внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни… Валерия вздрогнула и остановилась…

Что это значило? Неужели же…

* * *

На этом слове оканчивалась рукопись.

1881